

МОРДВИНОВ И ЕГО РОЛИ

Ю. ЗАВАДСКИЙ, народный артист СССР

Время фильтрует воспоминания, очищает их от случайностей, приводит в порядок. И вот сейчас особенно ясно проступают в человеческом и артистическом облике Мордвинова черты, делающие его смерть невосполнимо тяжелой утратой для советского театра.

Мордвинов был художником самобытного дарования: по природе своего таланта он был артистом очень русским, связанным корнями творчества с исконной традицией русской сцены — традицией актеров «натура», актеров могучего темперамента и пылкой правды переживаний. Отдавая своим героям всего себя без остатка, Мордвинов создавал образы правдивые и мощные. Он был щедрым художником.

На своем веку я видел многих «рыцарей театра», среди них Мордвинову принадлежит особое место. Он был предан театру без показной старательности и тайного расчета: он просто не мыслил себя вне искусства и любил театр ровной, трогательной и в то же время напряженно страстной, вбивавшей в себя весь его душевный мир любовью.

Свой незаурядный талант и силу своей веры в театр Мордвинов ощутил очень рано и сумел дать почувствовать это окружающим. Помню свое впечатление от первой встречи с Мордвиновым — в 1925 году, на вступительном экзамене «Драматических курсов под руководством Ю. Завадского». Провинциальным был его репертуар; читал он плохо — с ложным пафосом, с нажимом, наивной жестикой. Но от этого рослого красивого парня волжанина (родом он был из маленького приволжского городка Ядриха) веяло такой размашистой силой и верой, вся его ладная фигура и открытое молодое лицо излучали такую природную мощь, что невозможно было не увлечься им.

Это ощущение встречи с незаурядным окрепло у меня в разговоре с ним после экзамена. Я спросил Николая Дмитриевича:

— А почему ты решил идти в театр? Что ждешь от него?

Он ответил:

— Мне бы хотелось выйти на сцену, обнять зрительный зал и смеяться с ним и плакать.

Я часто вспоминал эти слова юного Мордвинова — они явились как бы главной заповедью его жизни. В них же — и ключ к творчеству Мордвинова, объяснение тому непосредственному доверчивому отзыву, который оно всегда находило в сердцах и умах зрителей.

ПЕРВЫЕ ШАГИ Мордвинова в искусстве были нелегкими. Отзывчивый душевный мир его, огромные внутренние силы долго не находили выхода вовне, сковывали, толкали к дурной театральности. Но талант Мордвинова неуклонно развивался, потому что другой его заповедью сделались слова «Талант и труд!». И, следуя этой заповеди, Мордвинов воспитывал себя актером-мастером, которому в определенный момент стало по плечу преодоление любых трудностей в искусстве.

Если характер персонажа в общем совпадал с характером актера, Мордвинову было легко работать. Так было с Петром в «Аесе» Островского, одной из первых его школьных удач. Мордвинов быстро отыскал в самом себе черты, близкие его герою. И даже внешне ему не пришлось меняться — сочность говора, размашистость жестов, наивная неловкость поведения были тут к месту. Но вот ему предстоит сыграть роль молодого барона в комедии Мюссе «Любовью не шутят».

В этом спектакле все ставило Мордвинова в тупик — и далекий от него самого душевный мир героя, и прихотливый, полный тонкостей текст роли, и, наконец, самый замысел постановщика, задумавшего создать спектакль ярко-театральный, изящный, подвижный и поэтический.

Вчерашнему Петру пришлось как бы возвращать в себе черты юного барона, искать в тайниках своей души совершенно новые для себя свойства характера, искать ту форму сценического поведения, которая была бы правдива, раскрывала характер героя и в то же время находилась бы в согласии с общим театральным решением спектакля. Мордвинов учился искусству перевоплощения, искусству сценического стиля.

Помню, как долго пришлось мне искать прием, чтобы чем-нибудь занять тогда еще неловкие, можно сказать, «неумные» (а потом такие неисчерпаемо разные, такие послушные — в Отелло, Арбенине, Лире) руки актера. Пришлось придумать для него тросточку — даже две! — на которые он то оперался, то помахивал ими, то сжимал их в обеих руках, то перебрасывал партнером... И вместе с этими тросточками, освободившими Мордвинова от скованности, в его игру пришла и первая легкость, свободная театральность...

А ВОТ РАБОТА, начавшая список побед Мордвинова, принесшая ему имя талантливого актера острого психологического плана и все возрастающего мастерства. Это роль поручика Соболевского, сыгранная Мордвиновым в инсценировке рассказа Б. Лавренева «Простая вещь». В работе над ней Мордвинов встретился с Н. П. Хмелевым, режиссировавшим спектакль; уроки Хмелева запомнились ему на всю жизнь.

Мордвинов создал образ, противоположный тем, в которых просвечивала личность самого актера. Он как бы полностью перевоплотился в белогвардейского офицера, раскрыл, не прибегая к преувеличениям и формальным приемам, человеконенавистническую сущность своего героя, который находит радость в убийствах и мучительствах. Он показал это с такой конденсированной ненавистью к врагу, что о мордвиновском Соболевском, ни на минуту не терявшем социальной и психологической конкретности, писали как об обобщенном образе «легендарного вурдалака».

Перед самой постановкой «Простой вещи» Мордвинов за две бессонные ночи переоборудовал и оснастил электротехникой примитивную сцену студии. До последней минуты он что-то слаживал в проводке, что-то монтировал на пульте освещения, проверял из зала, все ли так, как нужно. Перед началом генеральной репетиции его усадили за столик в гримерной и спешно начали наводить аристократический лоск на его потрудившиеся, почерневшие руки. И Коля... заснул. Спящего я загримировал его. А потом он пошел на сцену. Играл, мчался к пульту освещения, передвигал вместе с другими участниками спектакля декорации, пел за сценой — и снова шел играть...

В РОЛИ СОБОЛЕВСКОГО Мордвинов, по существу впервые, показал себя актером большой волевой собранности и организованного темперамента. Эти особенности его дарования ясно проявились в образах, созданных вслед за поручиком Соболевским.

Здесь и Дик Даджен из пьесы Б. Шоу «Ученик дьявола», и шекспировский Петруччо из «Укрощения строптивой». Здесь и руководитель большевистского подполья Ваграм из пьесы А. Первомайского «Ваграмова ночь», и горец коммунист Тигран из одноименной пьесы Ф. Готьяна. Характеры, совершенно разные по психологическому складу, герои разного возраста и времени, но всегда цельные, крупные, волевые.

С годами расширялся диапазон психологического искусства актера, крепло его мастерство и все отчетливее вырисовывалась внутренняя тема его творчества — тема человеческой красоты, великих сил, заключенных в душе человека, его благородства и жизнелюбия. То была поэтическая тема духовного максимализма, единства человека с окружающей природой.

МОРДВИНОВ развивал свою тему с огромной естественностью, ибо она рождалась в глубинах его натуры, лежала в самой основе его человеческой личности, возникала в его особом поэтическом видении мира. Человеческое огромное обаяние и щедрой душевности, бесконечно влюбленный в природу, во все, что украшает и населяет землю. Неутомимый путешественник, исколесивший буквально всю страну. Страстный рыбак, умевший слушать шум реки, понимавший голоса леса, способный видеть в природе то, что далеко не всякому дано в ней увидеть. Мордвинов в самом себе нес эту главную тему своего творчества. Он сам был ее идеальным воплощением.

Мордвинов сумел сделать своего Петруччо человеком языческого вкуса к жизни, опозитивировал его предприимчивость и энергию, открыл в нем животворное творческое начало, воспевав радость существования на земле. Ту же самую тему, но только в ироническом ключе, он развил в образе кавалера Рипафратта.

Героем гольдониевской «Тракирицы» Мордвинов и любовался, и его высмеивал. То была сама непосредственность, само жизнелюбие, само веселье. Этот глуповатый, но обаятельный, добрый малый наслаждался жизнью, ею упивался. А когда любовная гроза разразилась и над его воинственно лохматой и буйной головой — какие противоположные чувства разбушевались в нем! И буффонные преувеличения, резкие краски, избранные актером, воспринимались зрителем как жизненно правдивые и несущие в себе оценку героя, проявления его цельной, яркой, но примитивной натуры...

ВСЮ ЖИЗНЬ Мордвинов стремился, как он сам любил говорить, к «выiskanной», очищенной от случайностей форме. Актер много отбрасывал из того, что было уже им найдено, ибо верил, что «найденное выявится в

новом качестве и, конечно, никуда не уйдет». Мордвинов говорил: «Хочу сыграть не приблизительно похожее, но единственное, самое верное, долго искомое». И играл это неповторимое, «единственное, самое верное», за какую бы роль он ни брался.

Все, чего добился в искусстве Николай Дмитриевич, пришло к нему в результате ни на минуту не прекращавшейся работы над собой.

Мало кто знает, что Мордвинов вел дневник и записывал в него все, что волновало его в жизни, на каждой репетиции Мордвинов вооружался блокнотом и карандашом и, признанный мастер сцены, с добросовестностью ученика заносил в блокнот все, что могло помочь ему в работе. Наконец, мало из тех, кто видел его Отелло, Лира, Арбенина, догадывался, что у Мордвинова тенор: для того чтобы сыграть свои трагические роли, актер сделал почти невозможное — придал своему голосу баритональный оттенок, заставил прозвучать в нем строгую и конденсированную драматическую интонацию. Голосом он занимался ежедневно и до последних дней.

КАК-ТО Мордвинов сказал: «Актер одновременно и творец, и материал, из которого он создает свое творение, и это предполагает большой и пристальный, разносторонний труд. Не зря Горький, великий труженик, называл труд талантом». Он прекрасно выразил сущность своего дарования, в котором труд был неразрывен от таланта, в котором труд и был талантом. Вот почему так истощающе ярко звучала в искусстве актера его творческая тема она беспрепятственно (ибо ей на службу была поставлена вся отточенная, одушевленная страстями и раздумьями техника актера) раскрывалась им в формах монументальных, запоминающихся.

Все, что было свойственно исполнительской манере Мордвинова, — яркая скульптурная пластика, отшлифованность интонаций, особая музыкаль-

ность, красочность речи, широкой, гласной, при ровном звучании голоса, — все это рождалось, разумеется, содержанием его искусства.

Трагические герои Мордвинова — его Отелло, Лир, Арбенин — заключали в себе буйный мир чувств и мыслей, были средоточием страстей, созвучных стихиям природы в шекспировских трагедиях и лермонтовских «Мцыри» и «Демоне». И стихийные страсти эти как бы укрупнялись в борьбе героев со злом. Масштаб этих образов определялся как бы вкусом актера к роли, к слову, к жесту, к самому своему пребыванию на сцене, когда происходило слияние воображаемого и реального существования, когда актер ощущал себя как бы центром спектакля. Мордвинов накапливал в себе внутренние силы, которые давали ему возможность по-настоящему зазвучать со сцены.

Вот почему с такой пронзительной ясностью слышалась в его Отелло толика по чистоте и справедливости: боль и мука окрашивали слова Мордвинова — Отелло, в которые актер вкладывал всю силу своего темперамента, делал как бы лейтмотивом образа — «Как жаль, Яго, как жаль!» И становилось понятным, почему этот Отелло убивает Дездемону — мордвиновский герой ценой нечеловеческих страданий творил справедливый суд. А когда он, узнав о невиновности Дездемоны, убивал себя у ее ног, — это было торжество справедливости, нравственная победа Отелло.

СВЕТАУЮ тему Мордвинов сумел раскрыть и в самом трагическом образе шекспировского театра — в роли короля Лира. Мордвинов начал с обвинения своего героя, утратившего связь с реальным миром, живущего иллюзией своей исключительности. А затем с глаз его низвергнутого к самому подножию жизни Лира начинала спадать пелена ложных представлений о жизни, о самом себе. В Лире Мордвинов сыграл просветленную трагедию, в которой торжествовала человечность его прозревшего героя, рождалась мудрость, оплаченная ценой страданий.

Очень интересно и глубоко играл Мордвинов лермонтовского Арбенина. Его Арбенин (за исполнение этой роли он был удостоен Ленинской премии) был одновременно фигурой величественной и трагической. Человек сильный, свободный от предрассудков, ненавидящий и презирающий «светскую чернь», мордвиновский Арбенин был обречен на одиночество, ибо, подобно Демону, становился носителем зла и разрушения.

Протестующее, бунтарское начало раскрывалось актером вместе с тем неуклонным «изнеможением гордого ума», о котором говорит злой гений лермонтовского героя — Неизвестный. Мордвинов призывал к человечности и в то же время раскрывал обреченность индивидуалистического восстания на порочное общество. Тень и свет, проблески веры и горечь безверия, порывы вдохновения и испепеляющее героя отчаяние — все это было сплавлено воедино мордвиновским талантом...

ВОТ ПРОШЛИ передо мной разные образы, созданные Николаем Дмитриевичем Мордвиновым; я попытался как бы заново увидеть все то, что отличало искусство этого актера.

И с необыкновенной остротой ощущаю сейчас, насколько стойкими и последовательными были художнические убеждения моего друга и соратника. Он не был всеяден. Он всегда знал, чего хочет, к чему стремится. Помню, как отказался он от роли Николая Глуховцева из пьесы Леонида Андреева «Дни нашей жизни», от роли чеховского Иванова. Почему? Потому что не увидел в этих героях возможности рассказать зрителю о том, как прекрасен мир, исполненный самых разных и в том числе трагических страстей, как прекрасен человек, живущий в этом мире и его преобразовывающий.

Мордвинов любил Шекспира и Пушкина, Толстого и Достоевского, Лермонтова и Шолохова. Мордвинов любил Микеланджело и Рембрандта, Репина и Врубеля. Мордвинов любил Бетховена, Чайковского, Мусоргского, задумчивую русскую песню. Мордвинов любил то искусство, которое вселяет в сердце человека радость и веру, что «человек все может сделать» (если воспользоваться словами одного из любимых его героев — словами Тиграна). И Мордвинов верно служил этому искусству.

Вот почему он так увлеченно играл генерала Огнева, подпольщика Ваграма, коммуниста Тиграна. Вот почему так радостно встречаем мы снова и снова киногероев Мордвинова — легендарного комбрига Котовского, «сказочно красивого, по-сегодняшнему живого» (это слова самого актера) Богдана Хмельницкого. Вот почему жизнь Мордвинова завершилась созданием образа «мордвиновской» силы, светлой человечности и ярко современно-го смысла — созданием образа человека — красавца, партийца, труженика Василия Забродина в пьесе И. Штока «Ленинградский проспект».

САМ МОРДВИНОВ так определил эту ведущую линию своего творчества: «Народ желает видеть в своем герое то лучшее, что он — народ — о себе знает». Это «лучшее» о своем народе Мордвинов всегда знал и стремился раскрыть в своем искусстве. Это «лучшее» он находил в самом себе, ибо был истинным сыном своего народа, ибо был артистом народным в высоком, первоначальном, обязывающем и прекрасном смысле этого слова.